

Шлёп.

Кусок мяса, который Хуай Чэнъинь держал палочками, соскользнул и упал обратно. Он как раз был поглощён едой и жевал, не поднимая головы, но теперь его внезапно прервали, и он невольно повернул шею в сторону. Рядом с чинно сидевшим господином Линем прямо в объятиях вдруг оказался босой юноша.

Растрёпанные волосы, чуть помятый вид, одежда сидит кое-как и совершенно неприлично. Но личико — как белый фарфор, красивое до невозможности, черты тонкие, словно нарисованные кистью. С таким лицом уже не важно ни то, что он растрёпан, ни то, как беспорядочно на нём сидит одежда. Он походил на цветущую бегонию: яркий, живой, свободный и вызывающе прелестный.

Юноша, будто вовсе без костей, привалился к груди Фу Линцзюня и маленько зевнул. Потом протянул руку к столу, нащупал ярко-красный духовный плод и с хрустом откусил кусочек.

Глаза, и без того полуприкрытые от сна, тут же радостно изогнулись в улыбке. Сладость ему явно понравилась, и он довольно откусил ещё раз.

Выражение лица Хуай Чэнъиня было таким, будто его только что поразила молния.

Нет... нет, подождите! Это откуда вообще взялся этот человек? И как это он сразу полез в чьи-то объятия и уселся на колени есть? Они вообще знают этого парня? Да даже если и знают — какой нормальный человек ест, сидя у кого-то на коленях? Да дома у него даже мать не сидела у отца на коленях во время еды!

Шэн Исюз вспыхнула до ушей. Она сидела как раз напротив Фу Линцзюня, и само по себе это положение уже было неопишимо. А стоило ей увидеть, как светлые губы юноши намокли от алого сока плода, став ещё более влажными и блестящими, как она окончательно не знала, куда девать глаза. Несколько раз заметавшись взглядом, она в конце концов уцепилась за фрукты перед собой и уставилась только на них.

Рука Сун Цзиньяо, занесённая за едой, замерла. Потом он сделал вид, будто всё это вообще не имеет к нему никакого отношения, и потянулся палочками к мясному шарик, на который уже нацелился раньше. Только вот поднять его у него не вышло ни с первого, ни со второго раза. Поджав губы, он в итоге сменил цель и молча положил в миску немного картофельной соломки.

Е Чжэнвэнь, который только что с трудом поднялся на ноги, бережно охраняя пострадавший зад, и вовсе вытаращил глаза до невозможности. Он вытянул руку, указывая пальцем на того бесстрашного, кто посмел юркнуть прямо в объятия брата Линя, и долго дрожал этим пальцем, прежде чем выдавил:

— Т-ты... ты кто вообще?!

Серебряный морозный тигр, сидевший перед своей личной миской с едой, узнал Цзян Тана. Он тут же радостно вытянул огромную голову вперёд и счастливо рявкнул:

— Ау-у! Белый комочек, белый комочек! Мы снова встретились!

Голос Е Чжэнвэня и рёв белого тигра ударили с двух сторон сразу, и дремавший в полусне Цзян Тан мгновенно проснулся окончательно.

О нет! О нет-нет-нет! Он совсем забыл, что больше не собака! Сейчас он человек!

Цзян Тан в один миг покраснел с головы до ног, будто его сварили заживо. С лицом краснее тушёного осьминога он рванулся вылезти из объятий Фу Линцзюня.

Но когда он только сел к нему на колени, он, естественно, устроился там самым удобным образом. Теперь же Фу Линцзюнь держал его в кольце рук, так что сил в пояснице совсем не было. Стоило ему попытаться упереться руками о сиденье под собой, как всё вокруг оказывалось и твёрдым, и горячим одновременно.

Сидевший с краю Сян Син моргнул. Он отличался от остальных: обоняние у него было особенно острым, и именно на него он полагался, когда узнавал людей или выслеживал кого-то. Учувствовав этот знакомый, сладкий и приятный запах, он понял, что сидящий в объятиях хозяина человек — это Сяо Бай. Только никак не мог понять, почему Сяо Бай вдруг превратился в человека.

Цзян Тан возился и возился, но встать не получалось. В конце концов он обеими руками вцепился в край стола и с усилием потянул себя вперёд, только так сумев подняться.

Умерший от общественного позора Цзян Тан в ту же секунду захотел сбежать.

— Эй-эй-эй, ты кто такой?! Ты что творишь?! — Е Чжэнвэнь, прикрывая рукой пострадавший зад, потянулся схватить Цзян Тана. Слабак как есть, Цзян Тан не сумел вырваться даже от раненого, у которого весь зад был в синяках. Его поймали заживо, будто цыплёнка, и от стыда у него свело даже пальцы на ногах — он весь словно вскипел.

Одной рукой Фу Линцзюнь перехватил движение Е Чжэнвэня.

Сам он так и сидел прямо, с каменным лицом. Голос, как обычно, был надменным и холодным:

— Это мой человек.

Сян Син посмотрел на него и почему-то заметил, что у хозяина слегка покраснели уши.

Все сидевшие за столом молодые люди дружно обернулись. Кажется, даже слышались их синхронные вдохи.

Ч-что?

Кто чей человек?

Что вообще значит эта фраза? Среди бела дня непонятно откуда вдруг появляется прекрасный, растрёпанный юноша в кое-как накинутаой одежде, так, словно это привычное дело, лезет прямо в объятия Линь Шэна, а тот ещё и говорит, что это его человек. Так выходит, они прошлой ночью... спали вместе?

Хуай Чэнъинь кое-как пришёл в себя после первого шока. Он уставился на Фу Линцзюня и Цзян Тана, бездумно ковыряя палочками в той самой упавшей рёбрышке, и так хотел высказаться, что у него даже губы зашевелились сами собой. Правда, вслух сказать он не осмелился, только беззвучно выговорил:

— Да твою ж...

Е Чжэнвэнь вдруг почувствовал, что рука, вцепившаяся в юношу, обжигающе горячая.

Он отпустил его мгновенно, чуть ли не отдёргнув руку. Лицо у него в тот же миг стало красным как рак. Всё-таки он был горячей кровью юным парнем. Услышав эту двусмысленную фразу Фу Линцзюня и вспомнив картину, как этот юноша только что ел, сидя у него на коленях, он невольно вспомнил и те неприличные места в Фуфэне, куда приятели-гуляки когда-то таскали его «набираться опыта». Из соседних комнат там доносились как раз такие запретные звуки.

И если бы увидеть всё это своими глазами, сцена, наверное, выглядела бы именно так — до крайности близкой.

— Простите! — он, будто деревянный, вернулся обратно к стулу. Но вот всё ещё не доходило, как так вышло, что стоило им не видеться всего одну ночь, и у его брата Линя внезапно появился возлюбленный, с которым у него настолько близкие отношения. Ему казалось, что вместе с поркой по заднице ему заодно отбили и мозги, потому что за развитием сюжета он уже явно не поспевал.

Цзян Тан хотел было сорваться наутёк. Но если Е Чжэнвэнь свою руку отдёргнул, то Фу Линцзюнь — нет. Та самая рука, как железная перекладина, всё ещё преграждала ему путь. Более того, её хозяин ещё и подозвал трактирного слугу и велел поставить рядом с собой ещё один стул.

— Ты голоден, да? — Он спокойно заказал несколько блюд, которые любил Цзян Тан, и заговорил с ним так, словно вокруг вовсе никого не было. Будто все остальные здесь — просто пустое место, и ему до них нет ни малейшего дела.

Фу Линцзюню и правда было всё равно.

Он уже скрыл слишком демонический оттенок волос и глаз Цзян Тана — а значит, с самого начала решил держать его рядом с собой. Что же до ошарашенных взглядов окружающих, ему было плевать. Раз уж ему всё равно, живы они вообще или мертвы, то с какой стати волноваться из-за того, что они там себе подумают?

Раньше Цзян Тан ел по пять раз в день: завтрак, обед, ужин, полдник и ещё ночной перекус. А после похода на утёс Жисы, если считать честно, у него во рту побывали только та порция соуса с мясом да пара духовных плодов по дороге. Сейчас он был голоден так, что съел бы целого быка.

Да, только что он пережил социальную смерть, но у великого злодея кожа на лице была слишком толстая. Он не просто сидел невозмутимо, а ещё и смотрел на всех с таким видом, будто это они тут люди без вкуса и жизненного опыта. В итоге молодые люди за столом не смели ни смотреть, ни говорить и могли только, склонив головы, есть.

Ну так и Цзян Тан решил тоже немного отрастить кожу.

В конце концов, великий злодей ведь не соврал. Раньше он был домашним питомцем-аксессуаром великого злодея, а теперь стал аксессуаром уже в человеческом облике. Так что фраза «это мой человек», если подумать, не была уж совсем неверной.

Сначала он просто взял ещё один ярко-красный духовный плод и в два-три укуса расправился с ним, немного утолив первый голод. Потом осторожно огляделся вокруг. Кроме Сян Сина, который всё ещё не отрываясь смотрел на него, все остальные были отчаянно заняты едой и делали вид, что ничего не видят.

Тогда он протянул руку за палочками.

Он так долго жил в зверином теле, что, едва взяв палочки, вдруг почувствовал, как непривычны они стали. Обе палочки упорно не слушались его. Перед ним стояла тарелка с мясом, а он попытался подцепить кусочек раз, другой, третий — и всё мимо. В конце концов он жалобно хныкнул, ещё пару раз безуспешно попробовал и, потянув Фу Линцзюня за рукав, дал понять, чтобы тот сам положил ему мяса.

Хвостик его интонации мягко поднимался вверх, будто он уже сотни раз просил о таком раньше.

Юноши за столом, которым приходилось насильно быть поглощёнными только едой: «...»

Да хоть немного стесняйтесь! Мы же всё ещё здесь!

Первым не выдержал Е Чжэнвэнь. Ему казалось: если он прямо сейчас не заговорит хоть о чём-нибудь, то атмосфера станет совсем уж неконтролируемой. Он очень громко кашлянул и сказал:

— Кхм-кхм. Кстати, раз уж нас всех лишили права участвовать в этих Небесных Состязаниях, что теперь делать с Небесным Нефритом Хэ?

Из-за жульничества всех сидящих за столом — каждого без исключения — лишили права участвовать дальше. Изначально Е Чжэнвэнь решил внезапно вступить в Небесные Состязания именно ради того, чтобы помочь Шэн Исюэ восстановить повреждённый духовный корень Сун Цзиньяо. Небесный Нефрит Хэ как раз был самым драгоценным из призов победителю нынешних состязаний. Для наследников больших домов потеря права участия была, может, не так уж страшна, но для Сун Цзиньяо это означало тяжёлый удар.

На лице Сун Цзиньяо не дрогнуло ничего:

— Получу — значит, повезло. Не получу — значит, такова судьба.

А вот у Шэн Исюэ при одной мысли об этом тут же покраснели глаза. За его будущее она переживала, кажется, даже сильнее, чем он сам.

Эти несколько фраз слегка разогнали неловкость, повисшую за столом. Хуай Чэнъинь наконец-то почувствовал, что снова ожил, и даже рёбрышки стали на вкус лучше. Жуя, он проговорил:

— Если вам нужен эффект, похожий на Небесный Нефрит Хэ... вы же знаете про холодный пруд у нас в Аньюане? Да, с самим Небесным Нефритом Хэ ему не сравниться, но если господин Сун не слишком спешит, он может пожить у нас с полгода-год. Тогда, думаю, хотя бы часть повреждений удастся восстановить.

Семья Хуай из префектуры Аньюань считалась одной из старейших бессмертных семей Западного Золотого континента. Десятки тысяч лет назад в этой семье появился поистине выдающийся человек — он был и владыкой одного из пяти духовных доменов, Бэньцзин, и главой секты Сюэцзи, то есть человеком, державшим настоящую власть в руках. Пусть после него в семье Хуай больше и не рождалось людей подобной гениальности, но позже всё же появился святой дао Хуай Шоусинь, а значит, честь старого рода префектуры Аньюань так и не была опозорена.

Если в одном роду смогли появиться сразу два славных святых дао, то дело, помимо таланта, отчасти было и в этом холодном пруде.

Сам пруд был невелик — размером примерно с обычный горячий источник. Но если культивировать, сидя в его воде, духовная сила очищалась в разы быстрее. Проблема Сун Цзиньяо была не в таланте — просто яд от ядовитого зверя повредил ему духовный корень. Если бы он стал заниматься в холодном пруде, это не только восполнило бы потерянную скорость совершенствования, но и постепенно восстановило бы повреждённый духовный корень.

Глаза Е Чжэнвэня тут же загорелись:

— Точно! Можно же поехать к тебе домой! Чэнъинь, а мне тоже можно у тебя немного спрятаться? В последнее время дядя, как только меня видит, сразу бьёт. Я больше так не могу. Я сбегу из дома!

Говоря это, он украдкой косился на Шэн Исюэ. Увидев, что и у неё самой на лице появилось лёгкое желание согласиться, он поспешил добавить:

— Если госпожа Шэн волнуется, можете поехать с нами и сами посмотреть. У Чэнъиня родители очень хорошие, они точно не будут против, если мы приедем погостить.

Хуай Чэнъинь застенчиво улыбнулся:

— Да, у нас дома не так уж много правил. Вы, господин Сун, госпожа Шэн, господин Линь, брат Сян Син, а ещё...

Он посмотрел на юношу, сидевшего рядом с Фу Линцзюнем с наивным, растерянным видом, и смущённо потёр нос:

— Простите, не знаю, как вас называть?

Цзян Тан как раз вёл тяжёлую битву с мясом в своей миске. Великий злодей уже положил ему несколько кусочков, но раз за столом сидело столько людей, взять их руками он стеснялся, поэтому изо всех сил пытался снова вспомнить, как обращаться с палочками. Когда Хуай Чэнъинь вдруг заговорил с ним, он тут же растерялся. Его языковая система и без того ещё не работала нормально, а от волнения он и вовсе начал выдавать слова по одному:

— Цзян... Тан.

— Это «цзян тан» как сахар?

— Да... именно.

— Тогда господин Цзян тоже может приехать в Аньюань и немного пожить у нас. Всё равно

нам в области Цянькунь больше особенно делать нечего. Так почему бы не поехать ко мне и не развлечься?

Е Чжэнвэнь не удержался и покосился то на Сян Сина, то на Цзян Тана, с трудом подавляя смех. Почему все, кто рядом с его братом Линем, говорят так рублено? Неужели брат Линь настолько неразговорчив, что рядом с ним все уже разучились нормально излагать мысли?

Цзян Тан понятия не имел, что великий злодей задумал на этот раз, но тот неожиданно согласился на приглашение Хуай Чэнъяня. Так они и условились: уже завтра все отправятся в Аньюань. Сун Цзиньяо и Шэн Исюэ — чтобы лечиться, Е Чжэнвэнь — чтобы спрятаться от Янь Цунси. А что до Фу Линцзюня... Цзян Тан решил не напрягать голову и просто плыть по сюжету. Куда вынесет, туда вынесет.

Когда трапеза закончилась, Сян Син только тогда медленно подполз ближе и, склонившись к Цзян Тану, принялся.

— Сяо Бай, — с полной уверенностью заявил председатель клуба любителей тискать зверушек.

Цзян Тан ещё не знал, как именно объяснить Сян Сину, кто он теперь такой. И потому, увидев, что здоровяк вообще ни секунды не колебался и сразу его узнал, чуть не расплакался от трогательности и закивал несколько раз подряд:

— Ты... узнал... меня.

— Узнал. Сяо Бай, — широкая, как лопата, ладонь здоровяка протянулась было погладить щечочка по шерсти. Но теперь перед ним уже был не пушистый круглый комочек, а красивый юноша, поэтому ладонь только слегка коснулась его волос и тут же отёрнулась.

Когда он был зверьком, его постоянно гладили по голове, так что Цзян Тан по привычке чуть было сам не потянулся к этому прикосновению, будто собираясь нырнуть в объятия здоровяка. Но едва эта мысль мелькнула, он тут же сам себе её отрубил.

Нет. Он больше не щечочек. Нельзя теперь вот так просто лезть к кому угодно в объятия — ни к здоровяку, ни к великому злодею.

Но стоило ему подумать, что в будущем он уже не сможет так легко нырять к великому злодею на руки и безнаказанно им пользоваться, как щечочек, полный нехороших мыслей, тут же слегка приуныл.

Между Цзян Таном и Сян Сином и раньше почти не было преград для общения, а теперь, когда Цзян Тан ещё и говорить научился, они сблизились ещё сильнее. Один — фраза, второй — ответ. Один — два иероглифа, второй — тоже два. Они переговаривались через Фу Линцзюня без остановки.

— Сяо Бай... так... красивый.

— Да Бай... сказал... я... некрасивый.

— Да Бай... сам... некрасивый. Сяо Бай... красивый.

Всё-таки он был самым обыкновенным человеком, и когда его похвалили за красоту, настроение у него сразу взлетело до небес. Он даже подвинул стул ближе к здоровяку.

Фу Линцзюнь бросил на Сян Сина взгляд:

— Иди проследи за Ци Е.

На этот раз Сян Син очень старательно задумался, а потом медленно, с запозданием ответил:

— Хозяин, Ци Е... не опасен.

— Я сказал — иди, значит иди, — тон, как всегда, не оставлял места для возражений.

Здоровяк сразу сник.

Он посмотрел сначала на превратившегося в человека, но всё такого же милого Сяо Бая, потом на хозяина и глухо проговорил:

— Сян Син... послушается.

И ушёл, то и дело оборачиваясь через плечо.

Только когда тот отошёл достаточно далеко, Фу Линцзюнь с холодным лицом посмотрел на наивного с виду юношу рядом. Взгляд его скользнул по босым ногам Цзян Тана.

Опять бегаёт без обуви.

Фу Линцзюнь поднялся и длинной рукой уже собирался подхватить Цзян Тана и снова усадить к себе на руку. Но Цзян Тан слишком хорошо знал характер великого злодея, которому плевать на чужие взгляды. Предугадав его движение, он плюхнулся обратно на стул и поспешно замотал головой:

— Я... сам... пойду.

К тому моменту многие постояльцы в трактире уже заметили Цзян Тана ещё тогда, когда он только спускался вниз.

Среди культиваторов, конечно, почти все были ровными чертами лица и с хорошей кожей — откровенных уродов там вообще не водилось. Но таких, как Цзян Тан, у которых от волос до кончиков пальцев всё казалось безупречно прекрасным, было всё же немного. К тому же так ослепительно красивы обычно бывали женщины-культиваторы. Мужчина, настолько хорошенький и вместе с тем сохраняющий прозрачную, почти детскую ясность в облике, встречался редко. Потому мужчины в зале, пусть и исподтишка, всё равно то и дело поглядывали на их стол.

Настолько красивый юноша, а совершенно не стесняясь уселся прямо на колени к другому мужчине.

Культиваторы жили не меньше обычных людей, а то и дольше. Кроме того, прославленный на все Люхэ святой дао Мэн Циань и его спутник Дао Чжуан Наньхай тоже были мужчинами, так что любовь мужчины к мужчине или женщины к женщине никого особенно не шокировала. Просто всем хотелось посмотреть на красавца, без каких-то иных мыслей.

— Я... сам... пойду, — словно стараясь доказать, что действительно способен, Цзян Тан ускользнул от объятий Фу Линцзюня и под взглядами всех этих культиваторов побежал к лестнице.

Фу Линцзюнь окинул взглядом пол трактира. Убедившись, что на нём нет ничего острого, он позволил Цзян Тану бежать и лишь неспешно пошёл следом.

Вернувшись в комнату, Цзян Тан только тогда тяжело выдохнул.

Он вдруг почувствовал, что быть человеком ужасно хлопотно. Когда он был зверьком, мог делать что угодно. А теперь за каждым его движением все следили, и той свободой, какая есть у животных, уже и не пахло.

Фу Линцзюнь тоже вошёл.

Когда вокруг больше не было посторонних глаз, он за два-три широких шага подошёл к Цзян Тану и усадил его на стул.

— Нужно носить обувь, — сказал он.

Цзян Тан обиженно надулся:

— У меня... нет.

Фу Линцзюнь выудил из жемчужины Нахай пару чёрных сапог и поставил перед ним:

— Надевай.

Цзян Тан шмыгнул носом.

Он поднял обе беленькие ноги и сунул их в сапоги. Внутри было пусто и просторно.

— Велики, — в такой обуви ему только и оставалось бы, что по дороге подбирать слетающие сапоги.

У Фу Линцзюня, который прежде никогда никого не растил, опыта в уходе за детьми, естественно, не было. Он посмотрел на эти маленькие ступни, утонувшие в его собственной обуви, и почему-то у него внутри слегка защекотало. Ему, кажется, очень нравилось, когда юноша носил его одежду или обувь. Но если уж заставлять его носить эти сапоги, тот просто не сможет нормально ходить.

Поэтому Фу Линцзюнь решил сходить и купить ему несколько пар.

С обувью, в отличие от одежды, всё было иначе: и слишком большая, и слишком маленькая причиняла бы неудобство. Так что, во второй раз отправляясь в лавку готового платья в области Цянькунь, Фу Линцзюнь взял с собой и Цзян Тана.

Это было как раз после обеда, самое спокойное время. Хозяйка лавки сонно грелась на солнце у входа, когда к ней пришёл покупатель.

Очень знакомый, очень хмурый покупатель.

Вся её сонливость улетучилась в один миг.

Она его помнила! Того самого богача, что в прошлый раз оставил у неё четыре тысячи триста духовных камней за покупки и ещё семьсот на чай!

— Друг даос, вы меня помните? — с лучезарной улыбкой поспешила она навстречу. Незаметно её взгляд уже скользнул к жемчужине Нахай у него на поясе, и в голове тут же закрутились расчёты: сегодня она, похоже, снова сорвёт большой куш и сможет потом от души погулять.

Только подойдя ближе, она заметила за спиной Фу Линцзюня стройного, невероятно красивого юношу. Чёрные волосы, белая кожа. Когда он вошёл в лавку навстречу свету, его круглые чёрные глаза по-кошачьи скользнули по помещению. И хоть на ней самой этот взгляд не задержался, сердце хозяйки всё равно тут же растаяло от этих глаз.

Погодите-ка... прекрасный до неразличимости юноша?

Хозяйка резко вспомнила прошлый раз, когда этот богатый даосский друг с самого утра пришёл к ней покупать больше двадцати комплектов одежды. Тогда она ещё подумала: это ж до какой грубости надо было довести дело, чтобы у второй стороны вся одежда так порвалась, что с самого рассвета пришлось выкидывать человека из постели за новыми вещами?

Её взгляд скользнул вниз — к ногам Цзян Тана.

Ничего себе. На этот раз уже и обувь испортили? Да что же они там вообще делали?

Повидавшая в жизни многое хозяйка лавки, конечно, все эти сплетни прогнала только у себя в голове, а вслух лишь лучезарно улыбнулась юноше:

— Ах, так это и есть ваш спутник Дао? Какие же вы двое любящие... Что бы вы хотели купить сегодня?

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: как приятно она говорит. Надо дать чаевые.

<http://bllate.org/book/17032/1644404>